

УДК 341.9

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-289-296

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ ВО ВНЕДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Новикова Т. В.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется правовой режим автономии воли в деликтных и кондикционных правоотношениях международного характера и обосновываются два основных вывода. Во-первых, автор отстаивает тезис о том, что хотя в наименовании ст. 1223.1 ГК РФ упоминаются только деликтные и кондикционные обязательства, фактически она устанавливает автономию волю для всех внедоговорных правоотношений за исключением тех, для которых прямо установлен запрет на выбор применимого права сторонами. Во-вторых, автор обосновывает вывод, согласно которому автономия воли сформировалась в качестве принципа международного частного права, получающего отражение в многоуровневой системе согласованных норм. В сфере внедоговорных правоотношений с иностранным элементом управомочивающая норма установлена ст. 1223.1 ГК РФ в ее взаимосвязи с генеральными правилами ст. 1210 ГК РФ и специальными оговорками ст.ст. 1219, 1221, 1223, 1222, 1222.1 ГК РФ.

Ключевые слова: автономия воли; принцип автономии воли; выбор применимого права; договорный статут; внедоговорное правоотношение; внедоговорное обязательство; деликтное правоотношение; деликтное обязательство; кондикционное правоотношение; кондикционное обязательство.

Законодательство Российской Федерации об автономии воли в области деликтных и кондикционных обязательств прошло в своем развитии два этапа: первый – с даты принятия части третьей ГК РФ [1] до реформы законодательства 2013 г., второй – с даты принятия Федерального закона РФ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] по настоящее время.

На первом этапе – с принятием части третьей ГК РФ – ограниченная автономия воли была впервые в истории отечественного международного частного права¹ установлена для обязательств из причинения вреда (п. 3 ст. 1219 ГК РФ) и неосновательного обогащения (п. 1 ст. 1223 ГК РФ). В обоих случаях положение об автономии воли помещалось после соответствующих коллизионных предписаний, а стороны наделялись возможностью выбрать исключительно право страны суда. Кроме того, в отношении деликтных обязательств такой выбор сторон мог быть сделан только *postfactum*, в то время как для кондикционных обязательств временное ограничение прямо установлено не было.

На втором этапе – с внесением изменений в часть третью ГК РФ в 2013 г. – автономия воли в исследуемой области превратилась в целую подсистему в рамках

---

¹ Так, Основы гражданского законодательства 1991 г. в отношении обязательств из причинения вреда и неосновательного обогащения устанавливали исключительно коллизионные нормы (ст. ст. 167–168) [3]. В общей форме на данное обстоятельство обращает внимание Н. И. Марышева [4].

системы норм, которые управомочивают стороны частноправовых отношений с иностранным элементом в определенных случаях и в строго очерченных пределах на выбор применимого материального права и таким образом опосредуют реализацию принципа автономии воли в международном частном праве.

Федеральным законом РФ от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ была введена ст. 1223.1 ГК РФ, которая регламентирует выбор права сторонами обязательства вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Ключевым достижением указанной статьи является унификация и либерализация стандарта автономии воли во внедоговорных обязательствах². Во-первых, положения об автономии воли в исследуемой области были выделены в самостоятельную статью³, которая, с одной стороны, увязана с генеральными нормами ст. 1210 ГК РФ (в частности, п.п. 1-3, 5⁴, которые применяются к выбору права для отношений, не

---

² Импульс к изменению в данной области был задан Концепцией развития гражданского законодательства, которая в п. 2.13 раздела VIII указала на необходимость расширения автономии воли сторон деликтных правоотношений [5].

³ Несмотря на то, что расположение тех или иных норм в отдельных пунктах или статьях закона (а равно место статей в тексте закона) само по себе не влияет на их юридическую силу, обстоятельствам подобного рода по традиции придается некоторая идеологическая нагрузка. В частности, В. П. Звекон указывает, что во внедоговорных отношениях, как и в договорных, следует сначала установить положение о выборе применимого права сторонами, а после него – соответствующие коллизионные нормы [6, с. 99].

Хотя в новой редакции части третьей ГК РФ ст. 1223.1 об автономии воли в области деликтных и кондикционных обязательств завершает блок коллизионных правил для внедоговорных правоотношений, мы полагаем, что выделение положений об автономии воли в самостоятельную статью в совокупности с внедрением отсылок к ней в специальные статьи коллизионного характера, акцентирует тот факт, что предписания ст. 1223.1 ГК РФ имеют общее значение для всей подсистемы внедоговорных обязательств, и в этом смысле может быть оценено положительно.

⁴ Хотя п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъясняет, что специальные правила ст. 1223.1 ГК РФ дополняются общими нормами п. п. 1–3 и 5 ст. 1210 ГК РФ [7], следует учитывать, что общее правило п. 5 ст. 1210 ГК РФ замещается аналогичным по содержанию специальным предписанием п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ, которое устанавливает приоритет императивных норм над избранным сторонами правом в случае, когда «все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной». Как отмечает А. В. Асосков, различие между указанными положениями усматривается только в том моменте, на который оценивается связь обстоятельств с определенной страной: в договорных правоотношениях – на момент выбора права сторонами, в деликтных и кондикционных – на момент совершения действия или наступления обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение [8].

Более того, в порядке комментария к ст. 1223.1 ГК РФ А. В. Демкина небезосновательно указывает, что в силу специфики обязательств из причинения вреда или неосновательного обогащения речь будет идти только о применении п. 2 ст. 1210 ГК РФ, в соответствии с которым соглашение сторон о выборе применимого права «должно быть прямо выражено или ... определено вытекать из ... совокупности обстоятельств дела» [9,

основанных на договоре, если иное не вытекает из закона или их существа), а с другой, сама устанавливает общие правила для подсистемы внедоговорных обязательств. Последнее обстоятельство имеет особенно важное значение в связи с тем, что наименование ст. 1223.1 ГК РФ гласит о выборе права сторонами обязательства вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Тем не менее, в рамках коллизионных предписаний отсылка к ст. 1223.1 ГК РФ содержится не только в отношении обязательств из причинения вреда (п. 4 ст. 1219 ГК РФ), в том числе вреда вследствие недостатков товара, работы или услуги (п. 2 ст. 1221 ГК РФ⁵), и неосновательного обогащения (п. 3 ст. 1223 ГК РФ), но также – как генеральное правило – в отношении обязательств из недобросовестной конкуренции, если таковая затрагивает исключительно интересы отдельного лица (абз. 2 п. 1 ст. 1222 ГК РФ), и – как субсидиарное правило – в отношении обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора (п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ).

Сопоставительный анализ нормы ст. 1223.1 и совокупности положений п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ позволяет заключить, что хотя в наименовании ст. 1223.1 ГК РФ упоминаются только деликтные и кондикционные обязательства, фактически она устанавливает автономию воли для всех внедоговорных правоотношений за исключением тех, для которых прямо установлен запрет на выбор применимого права сторонами (на основании п. 3 ст. 1222 ГК РФ – для обязательств из недобросовестной конкуренции или ограничения конкуренции).

Показательным в этой связи является институт преддоговорной ответственности. В отечественной цивилистике отсутствует единство мнений

с. 181–182]. Полагаем, что изложенное замечание весьма справедливо, так как в действительности общее правило п. 1 ст. 1210 будет вытеснено специальным предписанием абзаца первого п. 1 ст. 1223.1 о выборе права для деликтных и кондикционных обязательств только *postfactum*, а общее правило п. 3 ст. 1210 – аналогичным предписанием абзаца второго п. 1 ст. 1223.1 о применении выбранного права «без ущерба для прав третьих лиц».

Тем не менее, несмотря на весьма узкое действие общих правил ст. 1210 ГК РФ в отношении выбора права для обязательств из причинения вреда и неосновательного обогащения, мы рассматриваем увязку специальных правил в данной области с генеральными нормами об автономии воли в качестве важнейшего показателя, свидетельствующего о действительном становлении в отечественном международном частном праве принципа автономии воли, проявляющегося в согласованной системе общих и специальных норм.

⁵ В отечественной литературе высказывались различные мнения о значении автономии воли для определения права, применимого к ответственности за вред вследствие недостатков товара, работы или услуги. Так, О. Н. Зименкова в свете установленного п. 1 ст. 1221 права потерпевшего на выбор из перечня альтернативных коллизионных привязок (и в этом смысле его более благоприятного по сравнению с причинителем вреда положения) заключает, что признаваемое п. 2 ст. 1221 соглашение потерпевшего и причинителя вреда о применимом праве «выступает в качестве субсидиарного коллизионного начала» [10, ст. 1221]. Напротив, мы солидарны с позицией тех ученых, которые признают приоритет автономии воли и, соответственно, соглашения сторон о применимом праве в сравнении с коллизионной привязкой, даже если таковая может быть избрана потерпевшим из установленного законом перечня [8; 11, с. 52].

касательно его правовой природы⁶, и весьма маловероятно, что отдельная норма международного частного права (п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ), отсылающая – лишь в качестве субсидиарного правила – вопросы преддоговорной ответственности к автономии воли и коллизионным нормам для деликтных правоотношений, способна решить данный вопрос. В этом отношении мы не согласимся с О. В. Муратовой, которая, формально толкуя ст. 1223.1 ГК РФ как охватывающую исключительно деликтные и кондикционные обязательства, констатирует: «В случае признания возможности сторонами выбора права, подлежащего применению к преддоговорным отношениям, можно сделать вывод о том, что законодателем преддоговорная ответственность отнесена к деликтной» [13]. Полагаем, что такая возможность выбора права для сторон преддоговорных отношений прямо установлена в п. 2 ст. 1221.1 ГК РФ и, более того, она непосредственно отсылает к общим нормам ст. 1223.1 ГК РФ. Однако, по нашему мнению, этот

Российской Федерации) подвергалось критике со стороны отечественных ученых⁷, в связи с чем его либерализация, допустившая выбор законодательный прием свидетельствует не о том, что преддоговорная ответственность является однозначно деликтной, а о том, что ст. 1223.1 ГК РФ может по умолчанию применяться к любым внедоговорным обязательствам вне зависимости от определенности квалификации их правовой природы.

Особенно важно, что подтверждение изложенного вывода можно усмотреть в п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», который гласит: «Стороны *любого внедоговорного обязательства*, за исключением предусмотренных абзацем первым п. 1 и п. 2 ст. 1222 ГК РФ ..., могут по соглашению между собой выбрать право, подлежащее применению к их внедоговорному обязательству, в соответствии со ст. 1223.1 ГК РФ» (курсив наш – Т.Н.).

Во-вторых, ст. 1223.1 ГК РФ в новой редакции значительно расширила пределы автономии воли сторон во внедоговорных обязательствах, допустив выбор любого применимого права, а не только права страны суда. Следует указать, что ранее действовавшее правило о возможности выбора сторонами деликтного обязательства только права страны суда (с учетом адресата коллизионных норм

---

⁶ В этой связи представляет интерес позиция О. В. Муратовой, согласно которой «институт преддоговорной ответственности в силу особой правовой природы ... имеет собственный механизм правовой защиты (как договорного, так и внедоговорного характера)» [12, с. 120]. Полагаем, что именно о таком сочетании свидетельствует ст. 1221.1 ГК РФ, устанавливающая в п. 1 – как генеральное правило – отсылку к договорному статуту (в том числе в случаях, когда договор не был заключен), а в п. 2 – как субсидиарное правило – к деликтному. При этом не вызывает сомнений, что в обоих случаях для сторон открыта возможность выбора применимого права (через выбор права для договора или внедоговорных отношений).

⁷ Характеризуя данное ограничение как не вполне оправданное, А. В. Банковский заявляет: «Возможный тезис о том, что российское право в большей степени, чем какое бы то ни было другое, отражает интересы пострадавшего, по меньшей мере спорен» [14, с. 31]. Более сдержанно высказывается В. П. Звекон, отмечая, что указанное положение, «конечно, упрощает решение коллизионной проблемы, но едва ли во всех случаях отвечает интересам сторон» [6, с. 100].

раздела VI ГК РФ – только права права любой страны, закономерно получила широкий позитивный отклик⁸.

В завершение следует отметить, что отечественные специалисты в области международного частного права, приветствуя изменения правового режима автономии воли во внедоговорных обязательствах, в значительной мере связывают их с заимствованием положительного опыта Регламента Европейского Союза о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II [15])⁹. В частности, ст. 14 Регламента Рим II, как и ст. 1223.1 ГК РФ, признает выбор сторонами внедоговорного обязательства любого применимого права; по общему правилу совершенный *postfactum* и без ущерба для прав третьих лиц; а также ограничивает действие избранного сторонами права императивными нормами в том случае, когда все обстоятельства связаны только с одной страной.

Вместе с тем, заслуживает внимания то, что п. 1(b) ст. 14 Регламента Рим II в отличие от п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ устанавливает исключение из правила о выборе права *postfactum* – когда все стороны осуществляют предпринимательскую деятельность, выбор применимого права допускается и на основании соглашения, заключенного до совершения действия или наступления обстоятельства, повлекших причинение вреда. Примечательно, что п. 2.13 Концепции развития гражданского законодательства указывал на целесообразность включения данного положения в ГК РФ, чего, однако, сделано не было.

Не оспаривая допустимость анализируемой нормы как таковой, согласимся с А. В. Банковским в том, что ситуация, когда возможен предварительный выбор права сторонами деликтного правоотношения, «встречается в чистом виде не часто» [14, с. 30]. Задолго до законодательной реформы 2013 г. ученый обоснованно отмечал, что практическая потребность в признании такой возможности была по большей мере связана с существованием договорных отношений между сторонами деликтного обязательства и отказом на тот момент отечественной практики «от применения акцессорной привязки деликтных требований к договорному статусу» [14, с. 30].

Однако в настоящее время – с внесением изменений в часть третью ГК РФ – применение договорного статуса к деликтному обязательству, тесно связанному с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным сторонами при осуществлении предпринимательской деятельности, установлено п. 3 ст. 1219 ГК РФ. Бесспорно, изложенная норма, во-первых, обеспечивает применение к деликтному обязательству только договорного статуса, а не любого избранного сторонами права, и, во-вторых, не исчерпывает всех случаев, когда участники предпринимательской деятельности могли бы заключить предварительное соглашение о праве, применимом к деликтным обязательствам (в отсутствие между ними договорных отношений либо если заключенный договор не связан с

---

⁸ Так, в порядке комментария к ст. 1223.1 ГК РФ А. В. Демкина заявляет: «Данный подход соответствует мировым стандартам» [9, с. 181]. Положительно оценивает данное изменение также Н. И. Марышева [4].

⁹ Так, Н. И. Марышева пишет, что в ст. 1223.1 ГК РФ «были учтены, а во многом прямо воспроизведены нормы ст. 14 Регламента» [4; 16, с. 67] (во втором источнике автор соответствующей главы – Н. И. Марышева в соавторстве с В. Н. Борисовым, И. О. Хлестовой).

потенциальным причинением вреда). Полагаем, что изложенные обстоятельства в совокупности с тезисом о приоритете правовой определенности¹⁰ могут стать основанием для возможного возврата в будущем к вопросу о заимствовании отечественным международным частным правом положения п. 1(b) ст. 14 Регламента Рим II.

Тем не менее, в настоящий период, принимая во внимание признание акцессорной привязки деликтных требований к договорному статуту и весьма ограниченный круг случаев, в которых участники предпринимательской деятельности намеревались бы осуществить предварительный выбор права для потенциального причинения вреда (вне связи с договором либо отличный от договорного статута), можно признать правило п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ о выборе – только *postfactum*¹¹ – права, применимого к обязательствам вследствие причинения вреда, в целом удовлетворительным.

Таким образом, следует заключить, что в современный период и в отношении внедоговорных обязательств, и в целом в международном частном праве Российской Федерации автономия воли сформировалась в качестве правового принципа, получающего отражение в многоуровневой системе согласованных норм, упрямочивающих – в определенных случаях и в строго очерченных пределах – стороны частнопровых отношений международного характера избирать применимое материальное право. В сфере внедоговорных правоотношений с иностранным элементом специальная упрямочивающая норма установлена ст. 1223.1 ГК РФ в ее взаимосвязи с генеральными правилами ст. 1210 ГК РФ и специальными оговорками п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/#dst0 (дата обращения: 15.08.2020 г.).
2. О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152471/ (дата обращения: 15.08.2020 г.).
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утверждены ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733. – Текст : непосредственный.
4. Марышев, а Н. И. Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство / Н. И. Марышева. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2016. – № 6.

---

¹⁰ Как пишет А. В. Банковский, «весьма важное положительное свойство предварительного выбора права очевидно»: его смысл, «кроме прочего, заключается в создании правовой определенности для сторон правоотношения» [14, с. 30].

¹¹ Один из доводов, который можно трактовать в поддержку правила о последующем выборе права для деликтных правоотношений, был высказан В. П. Звековым. По мнению автора, данное правило позволяет «сторонам приходить к соглашению, опираясь на уже имевшие место конкретные обстоятельства дела, действительные, а не гипотетические, существующие лишь в их воображении, придавая договоренности предметный характер, соответствующий интересам сторон» [6, с. 100].

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – Текст : непосредственный.
6. Звекон, В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве / В. П. Звекон. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 128 с. – Текст : непосредственный.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 О применении норм международного частного права судами Российской Федерации. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/ (дата обращения: 15.08.2020 г.). – Текст: электронный.
8. Асосков, А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ / А. В. Асосков // Хозяйство и право. – 2014. – № 2. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=78642#0777912015003493> (дата обращения: 15.08.2020 г.).
9. Крашенинникова, П. В. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014. – 200 с. – Текст : непосредственный.
10. Марышева, Н. И. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2014. – Текст : непосредственный.
11. Лазарева, Т. П. Коллизионное регулирование возмещение вреда, причиненного недостатками товара, работы или услуги / Т. П. Лазарева. – Текст : непосредственный. // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 46–54.
12. Муратова, О. В. К вопросу о квалификации преддоговорных отношений в международном коммерческом обороте / О. В. Муратова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 115–123.
13. Муратова, О. В. Коллизионное регулирование обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора в России и ЕС / О. В. Муратова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2016. – № 5.
14. Банковский, А. В. Деликтные обязательства в международном частном праве : дисс. ... канд. юрид. Наук / А. В. Банковский. – М., 2002. – 154 с. – Текст : непосредственный.
15. Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 31.7.2007. – L 199. – P. 40–49.
16. Хлестова, И. О. Внедоговорные обязательства в международном частном праве / Под ред. И. О. Хлестовой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 160 с. – Текст : непосредственный.

Novikova T. V. Autonomy of Will Principle in Non-Contractual Legal Relations of International Character / T. V. Novikova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 289-296.

The article elaborates on legal regime of autonomy of will in tort and unjust enrichment legal relations of international character and grounds two basic conclusions. Firstly, the author stands on the point that although title of article 1223.1 of the Civil Code of the Russian Federation mentions only tort and unjust enrichment obligations, in fact it stipulates autonomy of will for all non-contractual legal relations except those, for which the prohibition for parties to choose applicable law is straightly set. Secondly, the author grounds conclusion that autonomy of will has developed into a principle of private international law reflected in a multilevel system of coordinated norms. In the field of non-contractual legal relations with foreign element permissive norm is set by article 1223.1 in conjunction with general rules of article 1210 and specific clauses of articles 1219, 1221, 1223, 1222, 1222.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: autonomy of will; autonomy of will principle; choice of applicable law; contract statute; non-contractual legal relation; non-contractual obligation; legal relation in tort; obligation in tort; unjust enrichment legal relation; unjust enrichment obligation.

Spisok literary

1. Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552.
2. Federal Law of September 30, 2013 No. 260-FZ "On Amendments to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 40 (part III). – Art. 5030.
3. Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and the republics, approved by the USSR Armed Forces on May 31, 1991, No. 2211-I // Bulletin of the USSR Armed Forces. – 1991. – No. 26. – Art. 733.
4. Marysheva N. I. Modern tendencies of conflict regulation of tort obligations: EU Regulation 2007 "On the law applicable to non-contractual obligations" (Rome II) and Russian legislation / N. I. Marysheva // Journal of Russian Law. – 2016. – № 6. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
5. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation on October 7, 2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11.
6. Zvekov V. P. Obligations due to infliction of harm in conflict of laws / V. P. Zvekov. – M.: Walters Kluver, 2007. – 128 p.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2019. No. 24 "On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – July 17, 2019. – No. 154.
8. Asoskov A. V. Reform of Section VI "International Private Law" of the Civil Code of the Russian Federation / A. V. Asoskov // Economy and law. – 2014. – № 2. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
9. Civil Code of the Russian Federation. International private law. Article-by-article commentary to section VI / Ed. P. V. Krashennnikov. – M.: Statut, 2014. – 200 p.
10. Marysheva N. I. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part three (itemized) / Ed. N. I. Marysheva, K. B. Yaroshenko. – M.: Law Firm "KONTRAKT", 2014. – Access mode: SPS "Garant".
11. Lazareva T. P. Conflict regulation of compensation for damage caused by defects in goods, work or services / T. P. Lazareva // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 11. – Pp. 46–54.
12. Muratova O. V. On the issue of qualification of pre-contractual relations in international commercial turnover / O. V. Muratova // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 6. – Pp. 115–123.
13. Muratova O. V. Conflict regulation of obligations arising from unfair negotiation of an agreement in Russia and the EU. Muratova // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 5. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
14. Banking A. V. Delicate obligations in private international law : diss. ... cand. jurid. science / A. V. Bank. – M., 2002. – 154 p.
15. Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 31.07.2007. – L 199. – Pp. 40–49.
16. Khlestova I. O. Non-contractual obligations in private international law / Ed. I. O. Khlestova. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm: INFRA-M, 2018. – 160 p.